

Можно предположить, что многие из советских платоноведов, столь различных по кругу своих интересов, по уровню подготовки, стилю мышления, языку и т.п. характеристикам, в иных, более либеральных социально-политических условиях высказывали бы иные мнения об исторической роли философии Платона. Показательна в этом отношении эволюция взглядов крупнейшего отечественного платоноведа А.Ф.Лосева. В своей ранней работе «Эрос у Платона» (в коллективном труде «Георгию Ивановичу Челпанову». М., 1916, с. 52–78) автор характеризует политический идеал Платона как намерение вернуть человеку утраченный рай на земле, сделав это силой Просвещения (Там же, с. 57). Но уже в работе «Очерки античного символизма и мифологии» (М., 1930) Лосев принял официальную установку насчет «реакционности» философии Платона (18, с. 665). Можно спорить о том, насколько искренне он это сделал. Сомневаться в искренности Лосева в данном случае заставляет то обстоятельство, что он, почти явно, чрезмерно сгущает краски, прибегая к отрицательным оценкам философии Платона (18, с. 803–836, 843, 886 и др.), словно стремясь довести свою аргументацию до абсурда и побудить читателя высмеять ее. Лосев, видимо, приглашает читателя сделать именно это, заявляя, что многое можно возразить против того, что он здесь пишет (18, с. 837). В статье Лосева «Жизненный и творческий путь Платона», написанной в качестве вступительной к изданию сочинений Платона, тоже встречается термин «реакционные» применительно к воззрениям античного мыслителя (37, т. 1, с. 67). Относительно этой статьи определено известно, что в первоначальном варианте этой статьи, написанной так, как того хотел сам автор, термина «реакционные» применительно к воззрениям Платона не было, и он появился там после бурного ее обсуждения в редакции издательства «Мысль». В дальнейшем Лосев постепенно заменяет термин «реакционное» применительно к учению Платона термином «реставраторское», знаменующим неизмеримо более гибкий подход, ибо реставрировать можно не только социально вредное, но и жизненно необходимое, например — свободу, временно попорченную тиранией (37, с. 43). Сверх того, Лосев по существу разрушает мнение о реакционности Платона и его учения, показывая, что в этом учении содержится очень многое прямо противоположное — в теории диалектики, в критике порочных государственных форм-тирании, олигархии и т.п. (17, с. 565, 566), в стремлении воплотить рационально обоснован-

ный идеал — с целью сделать всех людей счастливыми и т.п. Именно эти прогрессивные черты платонизма Лосев подчеркивал в своих более поздних работах (16, с. 99, 178, 184 и др.).

Стремление преодолеть негативные оценки философии Платона заметно и в других работах советских авторов постсталинского периода. Довольно смелым для своего времени было выступление А.В.Гулыги, Э.В.Ильенкова и М.И.Сидорова, которые в отзыве на «Историю философии» (т. 1, 1957) упрекают ее авторов в упрощенном понимании марксистского метода, в силу чего у них платоновский идеализм выступает как непосредственное выражение интересов реакционной рабовладельческой аристократии (Вопросы философии. 1958, № 2, с. 139, 140).

Движение в пользу признания реальных исторических заслуг Платона продолжало усиливаться. В его поддержку высказался видный антиковед Ф.Х.Кессиди в статье «Изучение философии Платона в СССР» (38, с. 244). В.С.Нерсесянц подчеркивает просветительский характер философии Платона, прогрессивность его требования рационально осмыслить общественно-политические отношения и построить рациональную модель справедливого государства. Он критикует негативные, несправедливые оценки философии Платона (36, с. 44, 100). Т.В.Васильева убеждена, что Платон в течение всей своей жизни стремился лишь в одной цели — Просвещению (6, с. 77, 99). Стремление Платона к рациональному преобразованию социальной действительности с намерением сделать всех людей счастливыми подчеркивает Н.В.Мотрошилова (34, с. 220, 230, 233, 239, 241). На прогрессивные аспекты философии Платона указывает А.Н.Чанышев (53, с. 39–48), а равно и другие авторы.

В настоящий момент после крушения авторитарной советской идеологии и утверждения (законодательного и морального) плюрализма мнений, реабилитации идеализма и теологии в качестве правомерных форм мировоззрения и теоретизирования резко подорваны возможности третирования философии Платона как «реакционной» — под углом зрения непримиримой борьбы материализма против идеализма. Но теоретически такая возможность сохраняется. Ведь материализм и атеизм не поставлены вне закона, они опираются на длительную историческую традицию, и их возрождение или усиление в той или иной форме, при определенных условиях, не исключено. Однако позиции идеализма в названной борьбе предпочтительнее — в настоящий момент — ввиду бур-

ного возрождения в России традиционных для нее форм религиозного мировоззрения, расцвета различных религиозных течений, роста их популярности.

Весьма сложно в данный момент обстоит дело с признанием учения Платона первоисточником тоталитарной идеологии. Известно, что главные аргументы в пользу этого тезиса были высказаны К.Поппером (1945). Очевидно, что Поппер и советские идеологи фактически сошлись в признании философии Платона «реакционной». Но сделали они это по разным основаниям, и это породило парадоксальную ситуацию. О таких ситуациях говорят, что крайности сходятся. Дело в том, что советские идеологи не могли считать Поппера своим союзником, ибо они критиковали Платона с позиций воинствующего материализма и «научного коммунизма», а Поппер — под углом зрения релятивизма и антикоммунизма. Поэтому советские авторы рассматривали Поппера как своего антитепа и сосредоточили свое внимание на критике антикоммунизма Поппера и его гносеологического релятивизма (См.: В.Н.Садовский. Карл Поппер и Россия (35, с. 12–27)).

Советские авторы очень бегло касались вопроса о философии Платона как первоисточнике тоталитарной идеологии. А.Ф.Лосев назвал «Законы» Платона выражением концепции бездушного полицейского тоталитарного государства (38, с. 49, 50). Ф.Х.Кессиди отметил, что попперовская критика тоталитаризма связана с грубой модернизацией идей Платона (38, с. 252). Более подробно пишет об этом предмете Н.Мотрошилова. Она отмечает, что Платон действительно предлагал ввести некоторые ограничения в общественной жизни — запреты на распространение определенных видов искусства и обычаев. Но вместе с тем она полагает, что нельзя причислять Платона к идейным вдохновителям «тиранического тоталитаризма» и возлагать на него ответственность за поведение современных тоталитаристов, за уничтожение личности, так как тоталитаристы всего менее руководствуются нормами морали, а намерения Платона опирались на идеалы нравственности и справедливости (34, с. 232, 244, 245, 246).

После крушения советского строя отечественные авторы более активно присоединились к западной традиции критики тоталитаризма, особенно — в той его форме, которая в течение десятилетий господствовала в странах бывшего Варшавского договора. Обстоятельно исследован этот процесс в работе Э.Г.Соловьева «Феномен тоталитаризма в политической мысли России и Запада» (М.,

1997) (48). Но в этой работе автор очень мало говорит о Платоне в связи с попперовской критикой его философии. Причем он о Платоне упоминает в связи с критикой Поппером историзма, а не в какой-либо иной (48, с. 72–74).

Заслуживает внимания статья Е.И.Темнова в издании политических творений Платона (51, с. 5–62). Здесь Темнов критикует тех советских авторов, которые объявили Платона «реакционером», а вместе с ними и К.Поппера, Б.Рассела и их единомышленников, осудивших Платона как тоталитариста (51, с. 9, 28).

Таковы некоторые интересующие нас здесь тенденции в отечественном платоноведении.

Что касается Запада, то его представители всегда сознавали, что идеи Платона — через учения отцов церкви, концепции классической немецкой философии и многие другие каналы — навсегда и прочно вошли «в самую сердцевину» культуры Запада (78, с. 6) и что именно это обстоятельство определило то видное место, которое философия Платона занимала в системе Западного образования, в том числе — образования политического. Но в первой трети XX века представители либеральной интеллигенции, по словам Поппера, стали с опасением воспринимать влияние Платона ввиду сходства его политического идеала с тоталитарными режимами фашистской Германии и Советского Союза (89, с. 4). Рассел, поддерживая мысль Поппера, добавляет, что либералы ранее не замечали «реакционных тенденций» платоновской философии, пока те не обнаружили себя на практике (91, с. 458).

Антипатии к платоновской философии резко возросли в годы гитлеровской агрессии против миролюбивых государств, когда само существование цивилизации было поставлено под угрозу. Именно тогда Поппер выступил со своей знаменитой критикой платонизма, поставив под сомнение ценность почти всех аспектов этого учения. После 2-й мировой войны и крушения основных фашистских режимов в Европе популярность попперовской критики тоталитаризма поддерживалась нарастающим противостоянием двух мировых социальных систем и угрозой ядерной катастрофы.

Но откровенно враждебное отношение попперианцев к Платону как к «реакционеру» встретило решительный отпор многих серьезных платоноведов, которые указали на то, что «радикальные критики» Платона односторонне и чрезмерно концентрируют внимание на отдельных аспектах его учения, придавая им смысл, чуждый намерениям Платона, изменяя чувству историзма: они, пре-

следуя собственные политические цели, переносят идеальные конструкции Платона в чуждые им исторические условия, в корне отличные от тех, в которых жил и творил Платон. А этот прием грешит опасностью вульгаризации и искажения философского наследия Платона, его истинных целей, которые всегда были высоконравственными и благородными, опасностью забвения всего ценного, что внес Платон в культуру Запада. Важную роль в защите достижений платоновской философии от разгрома ее «радикальными критиками» сыграли труды выдающихся западных ученых Р.Бэмброу (1962), Р.Кроссмена (1937), Р.Левинсона (1953), Г.Морроу (1960, 1993), Л.Эдельштейна (1967) и др. (Подробнее об этой борьбе см.: (27), с. 1–10)).

В настоящее время в западном платоноведении и политической философии все более утверждается взвешенный подход к оценке теоретического наследия Платона, согласно которому политический идеал Платона в самом деле несет на себе определенные признаки авторитаризма и тоталитаризма, но независимо от этого и даже вопреки этому теоретический анализ Платона сохраняет свою исключительную плодотворность для развития современной политической философии и понимания социально-политических процессов, происходящих в современном мире. Это опять-таки парадоксальная ситуация, соответствующая противоречивости как учения Платона, так и нашей действительности. Эта ситуация требует разъяснения, и мы в дальнейшем постараемся пролить на нее кое-какой свет.

Обрисованный подход демонстрируют Д.Аннас (1982), Д.Клоско (1986), Р.Мартин (1981), П.Стейнбергер (1989), Л.Страусс (1983, 1989, 1991), Р.Стэлли (1983), Ш.Юммель (1996) и др. Мы в нашей работе стремимся следовать той тенденции в трудах отечественных и зарубежных авторов, которая состоит в освобождении образа Платона от негативных оценок, продиктованных теми или иными идеологическими соображениями, и в желании понять позитивное влияние платоновского учения на нашу жизнь.

Мы исследовали политический идеал Платона и, далее, аргументы попперианских критиков этого идеала — так называемых «радикальных критиков» Платона, а равно и контраргументы оппонентов «радикальных критиков» в своей монографии (1998) (См.: (27)). В этой монографии мы высказали ряд тезисов в виде гипотез, которые мы хотели бы подвергнуть в дальнейшем более тщательной проверке. Мы завершили названную монографию словами о

том, что «в данный момент, в конце этой книги, мы еще не считаем возможным сделать обобщающие выводы и дать суммарную оценку исторической роли платоновского политического идеала», решительно высказаться в пользу той или иной точки зрения по рассмотренным вопросам. Чтобы делать более уверенные выводы, «следовало бы прибегнуть к критерию исторической практики, то есть рассмотреть вопрос о реальном историческом влиянии учения Платона на политическую мысль и политическое поведение людей в античности, в Средние века и в Новое время» (27, с. 147).

Сама по себе эта тема необъятна. Неисчислимо количество авторов пыталось охватить ее отдельные области. И мы, естественно, можем позволить себе здесь коснуться лишь отдельных узловых пунктов этой темы.

Ниже нам понадобится в качестве ориентира определения того, что такое тоталитаризм и что такое противостоящий ему либерализм. Единообразного мнения о том, что такое тоталитаризм, не существует. Споры об этом предмете подробно охарактеризованы Э.Г.Соловьевым в упомянутой нами выше работе (48). Мы воспользуемся определением, согласно которому термин «тоталитаризм» обозначает такие формы идеологии и политики, которые рассчитаны на утверждение абсолютной власти государства над подчиненными ему индивидами (включая полновластное распоряжение их имуществом, правами, свободой и жизнями). Тоталитаризм родствен авторитаризму, установке на беспрекословное подчинение индивида требованиям властей (80, с. 12, 13).

Термин «либерализм» обозначает противоположные тоталитарным тенденции, рассчитанные на освобождение индивида от всевластия государства, от личной зависимости, от чрезмерного вмешательства государства в дела индивида, рассчитанные на завоевание индивидом различного рода свобод, включающих свободу приобретения, владения и распоряжения собственностью, свободу выбора рода занятий, свободу совести и религиозных убеждений, свободу участия в политической жизни и т.п. Либерализм связан с эгалитаризмом, требованием равноправия граждан перед законом независимо от различия пола, языка, национальной и расовой принадлежности и т.п. (60, с. 1–3; 80, с. 12, 13).

Ниже мы воспроизведем основные характеристики платоновского политического идеала, которые, на наш взгляд, сохраняли на протяжении веков актуальность и продолжают ее сохранять в настоящее время, чтобы не терять из виду те моменты, из-за которых вокруг Платона разгорелся спор в наши дни.

Здесь же мы хотим поставить еще вот какой вопрос. Упомянутый нами термин «актуальность» в отношении идей Платона находится в противоречии с распространенным мнением об «утопизме» платоновской программы. Последнее мнение мы находим в трудах отечественных авторов В.Ф.Асмуса (3, с. 130), А.Ф.Лосева (37, с. 36), В.А.Гуторова (11, с. 140), а также зарубежных исследователей К.Поппера (89, с. 18), Ш.Юммеля (54, с. 326) и др. Поппер объявляет себя сторонником такой социальной инженерии, которая преследует цель частичного изменения существующего социального строя, и вместе с тем противником утопической социальной инженерии платоновского типа, то есть попыток коренного изменения социальной действительности на основе абстрактных схем, опирающихся на предвзятые представления о вечных и неизменных «идеях» (89, с. 18).

Д.Клоско, английский платоновед, занимает более осторожную позицию в вопросе об «утопизме» Платона, оценивая подход Поппера как слишком прямолинейный и указывая на то, что утопичной теорию считают в тех случаях, если ее автор а) не предназначал ее для воплощения в жизнь; б) он не рассматривал реальных препятствий на пути реализации своей модели; и в) крайне неправдоподобно, чтобы эта модель могла быть воплощена в жизнь. Клоско приходит к выводу: по пункту а) — Платон был уверен в возможности реализации своей модели. По пункту б) — Платон рассматривал возможные препятствия на пути такой реализации и был уверен, что все они могут быть преодолены. Эти выводы Клоско нас убеждают. Что касается пункта в), то Клоско согласен с мнением, что весьма неправдоподобно, что платоновский политический идеал мог быть осуществлен (77, с. 173). Этот последний вывод Клоско нас не убеждает. Нам представляется, что в истории бывают такие типические ситуации, когда политический идеал Платона в своих основных чертах неизбежно реализуется.

На наш взгляд, наш отечественный автор Е.И.Темнов указывает веские основания для критического отношения к стандартному мнению об «утопизме» Платона. В самом деле при авторитарном господстве марксизма все домарксистские социальные теории объявлялись донаучными, а их авторы — способными лишь строить догадки по всем научным вопросам, в том числе — и по вопросу о будущем человечества (51, с. 22). Теперь, когда марксистская социология с крушением советского строя потеряла свое привилегированное положение, разве мало желающих объявить ее утопической? Как не

выдержавшую испытания временем, реальной исторической практикой? Так марксизм и платонизм были уравнены историей в отношении вопроса, насколько утопична та или иная теория.

Выскажем такое соображение: ни одна социальная теория не обладает абсолютной истинностью в силу ограниченности человеческого кругозора, сложности предмета и его изменчивости (самого человеческого общества), неопределенности будущего. «Грядущие годы таятся во мгле». И тем не менее люди научились в достаточной мере понимать свою социальную жизнь и, более или менее успешно, направлять свою судьбу. Если потерпела крушение модель реального социализма, связывавшая себя с марксизмом, то означает ли это, что марксизм перестал быть мощным инструментом анализа социальных явлений? Разумно предположить, что нет, не перестал. Накануне 2000 года всемирная служба Би-Би-Си путем опроса через Интернет выяснила, что мировая общественность признает К.Маркса (преимущественно перед А.Эйнштейном, И.Ньютоном и другими великими людьми, включая, конечно, и Платона) самым влиятельным мыслителем уходящего на тот момент тысячелетия (43, 1999 г., 2 окт., № 195, с. 1). Учитывалась роль марксизма и в построении реального социализма, и в реформировании капитализма.

Другой немаловажный пример: Европейское Просвещение XVIII века мечтало о том, что падение «старого режима» и обретение людьми личной свободы, равенства перед законом и т.п. приведут к всеобщему братству и счастью. И здесь имелся элемент утопизма. Этого братства и счастья для всех не наступило. Вместо этого Западный мир получил новые формы классовой борьбы и угнетения. Но разве это обстоятельство устраняет выдающуюся роль Просвещения в подготовке господства буржуазии и прогресса свободы?

Нечто сходное имеет место и в судьбе платонизма. Можно, конечно, полагать, что в буквальном смысле слова платоновский идеал нигде и никогда не был осуществлен. Но чтобы утверждать это с уверенностью, нужно было бы провести исчерпывающее историческое исследование, которое по самой своей сути крайне трудно выполнить. Мы ставим себе более ограниченную и более выполнимую задачу: обратить внимание на те аспекты платоновского идеала, которые на протяжении истории «работали» на просвещение и продолжают на него «работать» и сейчас и спор о которых привел к резкой актуализации платоновских идей в XX веке.

ГЛАВА 1

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ПЛАТОНА И ЕГО КРИТИКИ

Обдумывая проект политической реформы, Платон исходил из тщательного изучения социально-политического положения своих родных Афин и всей Эллады, сложившегося в ходе и после Пелопоннесской войны (431–421, 419–403 гг. до н.э.). В эту войну были вовлечены все основные греческие города, она привела к кризису древнегреческой полисной системы. Особенно тяжелым оказалось положение Афин, ослабленных внутренней социальной борьбой, которая, подрывая внутреннее единство, привела Афины к поражению в войне. Усмотрев причину кризиса во внутренних раздорах, Платон ставит цель устранить ее и предложить проект государственного устройства, при котором люди были бы не врагами, а друзьями, а общество было бы свободным от внутренних раздоров, несправедливости и от угрозы порабощения извне. Согласимся с тем, что всякое правительство, которое любит родину и заботится о своем народе, в условиях кризиса ставит сходные задачи.

Платон полагал, что общество устроено справедливо, если в нем каждому гражданину обеспечено достойное место. Это порождает дружбу между гражданами, их сплоченность, любовь граждан к своему государству и превосходство этого государства над своими врагами. Поставленная цель найти условия осуществления справедливости побудила Платона разработать первую в истории Запада систему политических воззрений. Эта система в целом, а особенно — его критика недостатков существующих государственных

устройств, требование их рационального преобразования, совершенствования — вся эта глубокая, содержательная работа, проделанная Платоном, сделала его мысль незаменимым базисом всего последующего развития политической философии на Западе.

Справедливость, по Платону, состоит в том, чтобы каждому воздать должное. Эта формула вошла в западную правовую мысль. Платон ее обстоятельно развивает, конкретизирует. Он рассматривает справедливость как то, что укрепляет отношения между людьми, а вместе с тем и само государство, а несправедливость как то, что их разрушает. Справедливость и несправедливость возникают вместе с самим обществом. Процесс возникновения общества Платон обрисовал во второй книге диалога «Государство». Государство вместе со справедливостью возникают на основе общественного разделения труда (Гос. II 369 а). Благодаря разделению труда люди получают возможность улучшить свое материальное положение (Гос. II 369 b-c). Разделение труда общественно полезно, ибо люди различаются по своим способностям, и потому один делает лучше одно, а другой другое. Кроме того, человек делает лучше свое дело, если он специализируется в одном каком-либо деле (Гос. II 370 a-b). Платон прекрасно осознает великое освобождающее значение разделения труда и производственной кооперации — в деле избавления людей от материальной нужды (Гос. II 369 c-370 c). Поэтому часто встречающееся мнение, что Платон не отдает должное роли непосредственных производителей в государстве, не представляется достаточно убедительным.

Важнейшую веху в разделении труда, в развитии общественного производства, а вместе с тем и справедливости, Платон усмотрел в формировании рынка, в обмене товаров, в появлении специалистов (купцов), обслуживающих обмен, и средств обмена — денег и т.п. Наконец, процесс разделения труда и формирования рыночных отношений приобретает международный характер (Гос. II 370 e-371 e).